

*ДЁГТЕВА Ярославна Николаевна, аспирант
кафедры русской литературы Воронежского государственного университета**

ЧУЖОЙ ВЗГЛЯД В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ДВОЙНИК»

В системе приемов и средств создания художественного образа важную роль играет поэтика визуального. Визуальное в литературе изучалось разносторонне, но некоторые аспекты остаются до сих пор нераскрытыми, и в творчестве Ф.М. Достоевского в частности. Одним из таких актуальных вопросов является проблема чужого взгляда. Настоящая статья посвящена рассмотрению указанного феномена на материале повести Ф.М. Достоевского «Двойник» (1846). Предмет исследования понимается как направленность зрения субъекта на некий не совпадающий с ним объект и манера субъекта смотреть отчужденно (чужими глазами). Цель научной работы определяет выбор культурно-исторического подхода к анализу литературных явлений. Методологической базой выступают труды отечественных и зарубежных ученых: М.М. Бахтина, М. Джоунса, Р. Лахманн, А.Б. Криницына и др. Научная новизна исследования заключается в том, что в творчестве Ф.М. Достоевского категория «чужой взгляд» анализируется впервые. Отсюда следует теоретическая значимость работы – дополнение уже имеющихся фундаментальных представлений и демонстрация их эвристической ценности в наследии отдельно взятого писателя. Практическая значимость связана с использованием результатов исследования при анализе художественной прозы Ф.М. Достоевского, в преподавании соответствующих дисциплин в высших учебных заведениях, психологическом консультировании, в частности библиотерапии. Чужой взгляд в повести «Двойник» принадлежит традиции Петербургского текста русской литературы и скопического режима XIX века. Рассматриваемый феномен значим не только как элемент поэтики, но и как средство развития литературной антропологии и характерологии. Его изучение позволяет расширить интерпретацию и анализ «Двойника» Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: *Ф.М. Достоевский, повесть «Двойник», визуальное, чужой взгляд, Петербургский текст русской литературы, скопический режим.*

В своей художественной прозе Ф.М. Достоевский раскрывает проблематику визуальности, актуальную и в наши дни. Специфика современной коммуникации, обусловленная чрезвы-

чайной важностью зрительного канала передачи информации, ставит вопрос о рассмотрении феномена чужого взгляда в творчестве указанного автора. Последнее обширно и многогранно,

*Адрес: 394018, г. Воронеж, пл. Ленина, д. 10; e-mail: Dyogteva@phil.vsu.ru

Для цитирования: Дёгтева Я.Н. Чужой взгляд в повести Ф.М. Достоевского «Двойник» // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 5. С. 46–53. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.46

что объясняет сложность выбора произведения, где чужой взгляд, понимаемый в рамках оптической темы, играет ключевую роль.

Настоящая статья освещает особенности упомянутого феномена в повести «Двойник» (1846) и является частью комплексного исследования, цель которого состоит в изучении чужого взгляда в художественной прозе Ф.М. Достоевского (на материале избранных произведений). Чужой взгляд терминологически определяется двояко: направленность зрения субъекта на некий не совпадающий с ним объект; манера субъекта смотреть отчужденно, чужими глазами [1]. Различение субъектов и объектов по признаку первичной активности необходимо для анализа феномена.

Согласно данным, приведенным в Словаре языка Достоевского, слово «взгляд» (один из индикаторов выявления чужого взгляда в ходе контент-анализа) в значении «направленность глаз и манера смотреть» и его дериваты наиболее часто используются в повести «Двойник»¹. Нельзя с определенностью заключить, что чем выше частота встречаемости индикаторов категории «чужой взгляд», тем большую смысловую нагрузку она несет, однако этот показатель косвенно характеризует ее значимость.

Направление и цель исследования обуславливают выбор культурно-исторического подхода к анализу литературных явлений. Изучение чужого взгляда предполагает обращение к широкому спектру гуманитарных знаний и находится на стыке филологии, психологии, философии и культурологии. Методологической основой литературоведческого компонента выступают работы М.М. Бахтина [2–4], М. Джоунса [5], Р. Лахманн [6], А.Б. Криницына [7] и др.

Творчество Ф.М. Достоевского активно обсуждается, анализируется, однако проблематика чужого взгляда, семантика этого феномена не разработаны. В литературоведении и критической литературе бытуют противоречивые идеи о визуальном вообще и взгляде в частности [7–11].

Самым значимым фундаментальным исследованием остается книга М.М. Бахтина, изданная в двух редакциях и с добавлением подготовительных материалов [2–4]. Эта работа содержит обширную информацию о чужом слове, по сути, являющимся чужим взглядом-мнением, но чужой взгляд как взор, направленность глаз или манера смотреть отдельно в ней не упоминается.

Таким образом, научная новизна исследования чужого взгляда заключается в том, что указанный феномен в творчестве Ф.М. Достоевского анализируется впервые.

Отсюда вытекает теоретическая значимость работы, состоящая в дополнении фундаментальных представлений, уже сложившихся в литературоведении в связи с проблемой визуальности, и демонстрации их эвристической ценности на примере наследия конкретного писателя.

Практическая значимость связана с тем, что полученные результаты могут быть использованы при изучении художественных произведений Ф.М. Достоевского и в преподавании соответствующих дисциплин.

Поскольку творчество автора антропоцентрично, полученные результаты могут быть учтены не только в рамках литературной антропологии и характерологии, но и в смежных науках при планировании коррекционно-развивающей, воспитательной работы с разными категориями населения (например, в психологической практике с использованием техник библиотерапии).

Эволюция поэтики и – в широком смысле – философии Ф.М. Достоевского показывает, что в его творчестве оставались неизменно значимыми культурные аллюзии: обращение к мифологическому материалу, фольклорным текстам и современным автору медиумам [12]. Повесть «Двойник» не является исключением: очевидны апелляции к произведениям отечественных и зарубежных авторов, античным мифам и т. д.

¹Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А–В / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2008. 962 с.

Так, в пятой главе главный герой отождествляется с Нарциссом: Яков Петрович Голядкин опирается на перила набережной, уподобляемые камню у ручья, в который смотрелся наказанный Афродитой юноша, но далее мифологические праформы, узнаваемые даже на фоне петербургских улиц, входят в художественную ткань повести и трансформируются. Сбываются мечты Нарцисса о выходе двойника из воды: из ноябрьской непогоды («Шел дождь и снег разом»²) господину Голядкину является «двойник его во всех отношениях»³. Если до полуночи злополучного дня Яков Петрович наблюдал в зеркале свое плоское отражение, то после совершенно убитый герой увидел его «во плоти». Отражение-копия постепенно оживает, обретает характерные черты и занимает место оригинала.

Отражающая поверхность (зеркало) становится медиумом за счет интериоризации человеком паттернов восприятия и работы памяти. В свою очередь, для отнесения видения героем отражения или двойника к категории «чужой взгляд» важно, чтобы оригинал интерпретировал копию как похожего на себя субъекта, руководствуясь интросектами.

Голядкин-старший смотрит на себя и Голядкина-младшего с соблюдением вышеупомянутых условий, т. е. чужим взглядом.

Двойничество как визуальный феномен характерно для Петербургского текста русской литературы: сочетание хаотического и космического порождает гибридные явления – миражи, видения, тени, двойников и т. п. [13]. Но в повести двойничество функционирует как переосмысление мифологического сюжета и связано не только с пространством конкретного города, но и европейскими культурными традициями и поэтикой Ф.М. Достоевского.

В свете антропологической парадигмы точкой отсчета интерпретации становятся взаимодействиями человек и особенности его познания [14, 15].

В «Двойнике» чужой взгляд описан в ситуациях общения. Даже когда Голядкин-старший смотрит на себя, он воспринимает собственное отражение с точки зрения Других, видит себя их глазами.

То есть чужой взгляд в художественном произведении может быть *не свой* (субъект и объект не совпадают): «Советник глядел на него строгим, испытующим взглядом...»⁴ А может – *чужой* – «не свойственный» герою (актанты могут быть разными, а могут совпадать; в первом случае чужой взгляд – частный случай «не своего»: «смотрел совершенно посторонним человеком»⁵, во втором – имеет место зрительное самовосприятие: «посмотрелся в зеркало»⁶).

В анализируемом тексте присутствуют разнообразные формы представления взглядов: они отрефлексированы действующими лицами в монологических или диалогических самоотчетах и отражены нарратором.

Обращение к контент-анализу как методу сбора эмпирической информации позволило дифференцировать подкатегории чужого взгляда: взгляд, отрефлексированный субъектом; взгляд, отрефлексированный объектом; взгляд, описанный «со стороны», т. е. лицом, не являющимся ни субъектом, ни объектом зрительного восприятия.

Взгляд на самого себя в зеркало или на двойника, а также вызванный самим героем взаимный взгляд (взор другого действующего лица был ответным), описанные от первого лица, относятся к первой подкатегории; чужой взгляд, отмеченный его объектами, – ко второй.

²Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 1. Бедные люди. Повести и рассказы. 1846–1847. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. С. 138.

³Там же. С. 143.

⁴Там же. С. 226.

⁵Там же. С. 209.

⁶Там же. С. 123.

В целях повышения надежности результатов исследования взгляды, воспринятые «со стороны», не дифференцировались на более узкие подкатегории по признаку принадлежности самим героям или нарратору, т. к. с точки зрения отношения к актантам перцептивного процесса неважно, кто его отражает.

В тексте «Двойника» категория чужого взгляда выражена в основном через описание «со стороны»: рассказ повествователя или упоминание в высказываниях героев ситуаций, в которых они не задействованы в качестве субъекта или объекта визуальной перцепции. Например, «во время осмотра Петрушка глядел с каким-то странным ожиданием на барина и с необыкновенным любопытством следил за всяким движением его, что крайне смущало господина Голядкина»⁷.

Рефлексия субъекта и объекта чужого взгляда также присутствует, несмотря на относительно малый объем произведения и сравнительно небольшое количество диалогических и монологических высказываний смотрящих и рассматриваемых героев. Самоотчет смотрящего субъекта проиллюстрирован в диалогическом высказывании: «Яков Петрович, мне совестно смотреть на вас, Яков Петрович, вы не поверите...»⁸ Взгляд, отрефлексируемый объектом, встречается в монологических размышлениях героя: «Ведь разбойником смотрит, мошенник, чистым разбойником!»⁹

Итак, в структуру повести включена речь героев, но основная часть текста изложена повествователем, поэтому преобладание описания чужого взгляда – «со стороны» – логически оправданно.

В «Двойнике» как объектом, так и субъектом чужого взгляда является преимущественно

Голядкин-старший. Он следит за своими сослуживцами, двойником, слугой; сам непрерывно подвергается рассматриванию (во многом из-за его отклоняющегося поведения). В тексте встречаются описания, в которых Яков Петрович достаточно дерзко провоцирует чужой взгляд, привлекает к себе внимание: «...смотрел так, что, казалось, готов был ему прыгнуть прямо в глаза»¹⁰. Тем самым герой нарушает принятый в современном ему обществе скопический режим.

Продолжительный взгляд, не связанный с откровениями или попыткой получить скрытую информацию, встречающийся в «вертикальном» взаимодействии, отмечается в повести как неодобряемый и неприемлемый. Господин Голядкин «почти неприличным, невежливым образом смотрит на одного весьма почтенной наружности старичка»¹¹, вызывая пропорциональную реакцию. На тех, кто занимает более высокое социальное положение, как правило, смотрят «быстрым» взглядом. Чтобы не заслужить осуждения, взгляды на начальство должны быть короткими, хотя могут неоднократно повторяться: «поминутно взглядывал на его превосходительство, как будто бы умолял взором»; «Андрей Филиппович, с своей стороны, взглянул на Олсуфия Ивановича»; «все взглядывали на Олсуфия Ивановича»¹².

Как показывает качественный анализ, чужой взгляд несет большую эмоциональную нагрузку, связан с ситуациями признаний, разоблачений, что неудивительно в свете неоднократно отмеченных особенностей русской культуры, где наблюдается связь искренности и откровенности в отношениях с контактом глаз [16, 17].

Диалоги двойников, в которых читателю открываются подробности жизни Голядкина-старшего, сопровождаются неоднократными

⁷Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 111.

⁸Там же. С. 204.

⁹Там же. С. 192.

¹⁰Там же. С. 127.

¹¹Там же. С. 207.

¹²Там же. С. 216, 227.

упоминаниями прямого зрительного контакта. Голядкин-младший, «по свойственной ему подлости, глядел с высоты лестницы, прямо и не смигнув глазом, в глаза»¹³. Доктор медицины и хирургии Рутеншиц также является и субъектом, и объектом прямого, достаточно протяженного во времени взгляда, включенного в коммуникацию, обусловленную сбором анамнеза и наблюдением больного.

Целесообразно отметить следующую особенность визуального поведения Якова Петровича: он косится, оглядывается, скрытно наблюдает, остро реагирует на чужие взгляды.

Описания исследуемого феномена сопровождаются спектром в основном негативных переживаний и когнитивных состояний, таких как страх, ужас («взгляд незнакомца <...> оледенел ужасом господина Голядкина»¹⁴), смущение, удивление, обида, любопытство («Все они смотрели на него с каким-то оскорбительным любопытством»¹⁵), подозрительность, осуждение («посмотрел с какою-то оскорбительною укоризною, похожею на чистую брань»¹⁶) и т. п.

Попытки получить необходимую информацию, узнать истинные намерения героев также описываются в контексте визуальности. Такие диалоги протекают в молчании, но в рамках системы взглядов. Яков Петрович старается «проникнуть в физиономию Остафьева, прочесть на ней кое-что, не таится ли чего-нибудь»¹⁷. Взгляд не только заменяет слова, но и ставится выше слова, т. к. дает знание скрываемой правды, что подчеркивает значимость зрительного канала коммуникации.

Чужой взгляд в «Двойнике» конструируется в различных пространственно-временных координатах, согласуется с культурно-историческими особенностями скопического режима XIX века и принадлежит традиции Петербург-

ского текста русской литературы, что позволяет достаточно полно рассмотреть репрезентацию проявлений исследуемого феномена.

Очевидна не только значимость чужого взгляда как элемента поэтики визуального в сюжетном плане повести, но и «хрестоматийность» примеров феномена. В тексте представлены: отчужденный взгляд; восприятие себя посредством двойника (зеркального или воплощенного в соматически подобном человеке); «исповедальный» прямой взгляд в глаза и др.

Некоторые аспекты видения героев входят в интертекстуальное пространство и могут использоваться как маркеры характера. Понятия «герой» и «характер» не тождественны: конкретные действующие лица (*герои*) представляют собой так называемые персонажные центры, к которым сходятся как характерообразующие, так и сопутствующие им структуры; литературный *характер* представляет собой логику выстраивания героя в художественной реальности [18, 19].

Особенности Голядкина дают основу для развития линии идейных двойников и подпольного человека в последующих произведениях Ф.М. Достоевского. Иными словами, уже в этой работе писателя зарождается образ подпольного человека, совершенно воплощенный в «Записках из подполья».

Совпадающие параметры чужого взгляда подтверждают сходство Якова Петровича и героя-парадоксалиста. Повести отличаются формой повествования, однако подпольный человек от первого лица проявляет «голядкинские» черты чужого взгляда. Оба героя остро переживают по поводу того, как на них смотрят, и сами не могут устанавливать зрительный контакт, необходимый для полноценной коммуникации. Особенно показательны в контексте визуальности ситуации общения со слугами:

¹³Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 218.

¹⁴Там же. С. 228.

¹⁵Там же. С. 194.

¹⁶Там же. С. 160.

¹⁷Там же. С. 189.

их взгляды «в упор» в обоих произведениях свидетельствуют о непочтительном отношении к хозяевам.

Таким образом, соотнесение особенностей функционирования чужого взгляда относительно героев различных произведений может стать эффективным средством развития литературной антропологии и характерологии.

Кроме того, изучение данного феномена позволяет с разных сторон рассмотреть насущные проблемы, описываемые в художественной прозе (например, духовные, социально-психологические), и особенно значимо в этом плане обращение к творческому наследию Ф.М. Достоевского.

Писатель внес неоценимый вклад в развитие мировой культуры, его работы провозглашают гуманистические идеалы, непреходящие ценности, служат предостережением для грядущих поколений [20]. В центре повествования всегда стоит человек с индивидуальным

восприятием мира и памятью, личность развивающаяся, взаимодействующая, и читатель может смотреть на происходящее чужими глазами, переживать события, преломленные сознанием героя, сочувствовать, сопереживать, перенимать его опыт.

Ф.М. Достоевский предвосхитил визуальный поворот в культуре и в своем художественном мире закрепил роль визуальности в коммуникации, манеру смотреть и характер общения героя с окружающими. Понимание этой стороны прозы писателя позволяет расширить ее интерпретацию и анализ.

Следовательно, чужой взгляд в творчестве Ф.М. Достоевского требует дальнейшего изучения. Данная практика является перспективной и может транслироваться на исследование работ других авторов. Естественно, в зависимости от рода литературы чужие взгляды и их формы меняются, но остаются неизменно важными в композиционном построении текста.

Список литературы

1. Дёгтева Я.Н. Чужой взгляд: уточнение дефиниции в контексте творчества Ф.М. Достоевского // Изв. ВГПУ. Сер.: Филол. науки. 2016. Т. 272, № 3. С. 162–165.
2. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. Киев: Next, 1994. 509 с.
3. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари; Яз. рус. культуры, 2003. Т. 1. 960 с.
4. Бахтин М.М. План доработки книги «Проблемы поэтики Достоевского». М.: Контекст, 1977.
5. Jones M.V. Dostoyevsky After Bakhtin: Readings in Dostoyevsky's Fantastic Realism. N. Y.: Cambridge University Press, 1990. 221 p.
6. Lachmann R. Memory and Literature: Intertextuality in Russian Modernism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. 436 p.
7. Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2001. 370 с.
8. Касаткина Т.А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИЛИ РАН, 2015. 528 с.
9. Ковалев О.А. Формулы всезнания, чтение мыслей и ответный взгляд у Достоевского // Филология и человек. 2007. № 3. С. 55–70.
10. Лавлинский С.П. О двух стратегиях художественной репрезентации зримости // Культура и текст. 2014. Ч. 3. С. 48–55.
11. Wachtel A. Dostoyevsky's *The Idiot*: The Novel as Photograph // History of Photography. 2002. Vol. 26, № 3. P. 205–215.
12. Подорога В.А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы: в 2 т. Т. 1. Н. Гоголь, Ф. Достоевский. М.: Культур. революция: Логос: Логос-альтера, 2006. 685 с.
13. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство-СПб, 2003. 612 с.
14. Антропология литературы: методологические аспекты проблемы: сб. науч. ст.: в 3 ч. Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2013. Ч. 1. 321 с.

15. Фокин А.А. От функционального изучения литературы к антропологической поэтике // Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения. М., 2004. С. 451–455.
16. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 592 с.
17. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
18. Савинков С.В., Фаустов А.А. Аспекты русской литературной характерологии. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2010. 331 с.
19. Фаустов А.А., Савинков С.В. Игры воображения. Историческая семантика характера в русской литературе. Воронеж: Науч. кн., 2013. 335 с.
20. Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds: Essays in Honour of Malcolm Jones / ed. by S. Young, L. Milne. Ilkerton: Bramcote Press, 2006. P. XIII–XX.

References

1. Degteva Ya.N. Chuzhoi vzglyad: utochnenie definitsii v kontekste tvorchestva F.M. Dostoevskogo [The Other's View: Clarification of the Definition in the Context of Dostoevsky's Works]. *Izvestiya VGPU. Ser.: Filologicheskie nauki*, 2016, vol. 272, no. 3, pp. 162–165.
2. Bakhtin M.M. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo. Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Oeuvre. Problems of Dostoevsky's Poetics]. Kiev, 1994. 509 p.
3. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow, 2003. Vol. 1. 960 p.
4. Bakhtin M.M. *Plan dorabotki knigi "Problemy poetiki Dostoevskogo"* [Finalization Plan for the Book *Problems of Dostoevsky's Poetics*]. Moscow, 1977, p. 300.
5. Jones M.V. *Dostoevsky After Bakhtin: Readings in Dostoevsky's Fantastic Realism*. New York, 1990. 221 p.
6. Lachmann R. *Memory and Literature: Intertextuality in Russian Modernism*. Minneapolis, 1997. 436 p.
7. Krinitsyn A.B. *Ispoved' podpol'nogo cheloveka. K antropologii F.M. Dostoevskogo* [Confession of the Underground Man. On the Anthropology of F.M. Dostoevsky]. Moscow, 2001. 370 p.
8. Kasatkina T.A. *Svyashchennoe v povsednevnom: Dvusostavnyy obraz v proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo* [The Sacred in the Everyday: A Two-Part Image in the Works by F.M. Dostoevsky]. Moscow, 2015. 528 p.
9. Kovalev O.A. *Formuly vseznaniya, chtenie mysley i otvetnyy vzglyad u Dostoevskogo* [Formulas of Omniscience, Mind-Reading and the Return Glance in Dostoevsky's Works]. *Filologiya i chelovek*, 2007, no. 3, pp. 55–70.
10. Lavlinskiy S.P. *O dvukh strategiyakh khudozhestvennoy reprezentatsii zrimosti* [On Two Strategies of Artistic Representation of Visibility]. *Kul'tura i tekst*, 2014, pt. 3, pp. 48–55.
11. Wachtel A. Dostoevsky's *The Idiot*: The Novel as Photograph. *History of Photography*, 2002, vol. 26, no. 3, pp. 205–215.
12. Podoroga V.A. *Mimesis. Materialy po analiticheskoy antropologii literatury. T. 1. N. Gogol', F. Dostoevskiy* [Mimesis. Materials on the Analytical Anthropology of Literature. Vol 1. N. Gogol, F. Dostoevsky]. Moscow, 2006. 685 p.
13. Toporov V.N. *Peterburgskiy tekst russkoy literatury* [Petersburg Text of Russian Literature]. St. Petersburg, 2003. 612 p.
14. *Antropologiya literatury: metodologicheskie aspekty problemy* [Literary Anthropology: Methodological Aspects]. Grodno, 2013. Pt. 1. 321 p.
15. Fokin A.A. *Ot funktsional'nogo izucheniya literatury k antropologicheskoy poetike* [From the Functional Study of Literature to Anthropological Poetics]. *Russkaya literatura XX–XXI vekov: problemy teorii i metodologii izucheniya* [Russian Literature of the 20th – 21st Centuries: Problems of the Theory and Methodology of Studying]. Moscow, 2004, pp. 451–455.
16. Krejdlin G.E. *Neverbal'naya semiotika: yazyk tela i estestvennyy yazyk* [Nonverbal Semiotics: Body Language and Natural Language]. Moscow, 2002. 592 p.
17. Тынянов Ю.Н. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinematography]. Moscow, 1977. 574 p.
18. Savinkov S.V., Faustov A.A. *Aspekty russkoy literaturnoy kharakterologii* [Aspects of Russian Literary Characterology]. Moscow, 2010. 331 p.

19. Faustov A.A., Savinkov S.V. *Igry voobrazheniya. Istoricheskaya semantika kharaktera v russkoy literature* [Imagination Games. Historical Semantics of Character in Russian Literature]. Voronezh, 2013. 335 p.

20. Young S., Milne L. (eds.). *Dostoevsky on the Threshold of Other Worlds: Essays in Honour of Malcolm V. Jones*. Ilkeston, 2006. 276 p.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.46

Yaroslavna N. Degteva

Voronezh State University;
pl. Lenina 10, Voronezh, 394018, Russian Federation;
e-mail: Dyogteva@phil.vsu.ru

ALIEN LOOK IN *THE DOUBLE* BY FYODOR DOSTOEVSKY

In the system of methods and means of creating an artistic image, an important role is played by the poetics of the visual. The visual in literature has been studied from many sides, but some of its aspects remain unexplored, in Fyodor Dostoevsky's works in particular. One such important issue is alien look, to study which the article turns to Dostoevsky's novel *The Double* (1846). Alien look is defined as a subject's gaze directed at some object, other than oneself, with alienation (as if with someone else's eyes). In line with its purpose, the research applied a cultural-historical approach to the analysis of literary phenomena. The works of Russian and foreign scholars – M.M. Bakhtin, M. Jones, R. Lachmann, A.B. Krinitsyn and others – were used as a methodological basis. The phenomenon of alien look in Fyodor Dostoevsky's works is studied here for the first time. Hence the theoretical significance of this paper, contributing to the existing fundamental concepts and demonstrating their heuristic value in the legacy of a certain writer. In terms of practice, the results of the analysis of Fyodor Dostoevsky's prose can be used in teaching relevant disciplines to university students as well as in psychological counselling, bibliotherapy in particular. Alien look in *The Double* belongs to the tradition of the Petersburg text of Russian literature and to the scopic regime of the 19th century. The phenomenon under study is significant not only as an element of poetics, but also as a means of developing literary anthropology and characterology. Research into alien look allows us to expand the interpretation and analysis of Dostoevsky's *The Double*.

Keywords: *Fyodor Dostoevsky, The Double, the visual, alien look, Petersburg text of Russian literature, scopic regime.*

Поступила: 12.12.2017

Принята: 29.05.2018

Received: 12 December 2017

Accepted: 29 May 2018

For citation: Degteva Ya.N. Alien Look in *The Double* by Fyodor Dostoevsky. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 5, pp. 46–53. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.46